

Новая жизнь

Алексей Лукьянов

ФАНТАСТИКА

Даже через две весны детей у них так и не появилось. Преемнику вождя предлагали по-хорошему: не можешь с женой детей нарожать — нарожай с другими женщинами. Они, конечно, не красавицы, но детей приносят с завидным постоянством, и даже не по одному. Нао хмурился и хватался за дубину.

Урезонить сына Леопарда силой не мог никто, а толпой на почти вождя идти — это уже открытое гражданское неповиновение, можно и по башке дубинкой получить, и дротиком в спину, а потом доказывай, что за демографическую ситуацию болел.

Вскоре уламы начали роптать: как же так, где приплод? Ну ладно, Нао не хочет ни одну из женщин, кроме Гамлы, но Гамле желания испытывать совсем не нужно, и если сын Леопарда не желает делить жену ни с кем из племени, то уж вождю-то он может довериться!

— Если хоть кто-то, кроме сына Леопарда, коснется Гамлы — одним уламом станет меньше, — сверкнула глазами красавица, а Нао поудобнее перехватил оружие крушения черепов.

Фаум поморщился: ох уж эти дочкины закидоны...

Взять хотя бы эпизод, когда умер огонь. Именно в этот момент Гамле приспичило замуж. Фаум не пустил. Вождя можно было понять: отдай он дочку за Нао, сына Леопарда, — и тут же сыновья Зубра во главе с Аго начали бы усобицу. Стань зятем Фаума волосатый Аго — уламы лишились бы великого охотника в лице Нао. Тот, конечно, не стал бы подымать бучу: Леопардович хоть и троглодит, но вполне порядочный, не то что отморозки Зубровичи. Нао бы просто свалил за Большую Реку и основал новое племя, а Фауму с внутренней бы политикой разобраться, куда там до внешней...

Гамла, конечно, предпочитала Нао, как наиболее прогрессивного. К тому же Леопардович сирота. Известно — когда вокруг полный промискуитет, неужели Аго женой с братьями не поделится? Бр-р, противно. Наверняка еще хуже, чем с отцом... Но раз уж папа решил отдать дочь на конкурсной основе — кто его переубедит? Старый Гун Сухие Кости не возражал — знал, видно, чем дело закончится, чем сердце успокоится.

Так и вышло — с огнем в родное племя вернулся Нао, он Гамле и достался.

А детей как не было — так и нет.

— В таком случае Гамла и Нао изгоняются, — объявил наконец Фаум.

Тут вмешался Гун Сухие Кости:

— Вождь Фаум не может изгнать Гамлу и сына Леопарда. Это Нао позволил Фауму вместе управлять уламами, а не наоборот. Старый Гун все помнит.

Старик говорил правду, и вождь трижды проклял себя за политическую недалекость. Все профукал — и дочь, и власть, а меж тем за язык ведь никто не тянул, мог ведь ничего не обещать, да еще и выкуп получить.

Слово взял Нао:

— Сын Леопарда не сердится, Нао знает, что память уламов короче, чем расстояние от языка до уха. Никто не вспомнит, что Нао победил злобных сынов Зубра и спас уламов от волков, вернув огонь. И вождь не вспомнит, что сын Леопарда не отнял у него власть над уламами. Слушайте все: если к дождям Гамла не родит, Нао заберет ее и уйдет к вахам. Да будет так.

И надо же — все послушались и разошлись, вполне удовлетворенные решением Нао.

Где взять ребенка, когда его нет? Можно надуть живот и нести его перед собой, скрестив руки под грудью, но вряд ли поможет. Гамла с завистью смотрела на женщин, ожидавших рождения. У одних живот слегка округлился, у других уже большой и даже шевелится, третьи на днях родят... Только она не чувствовала в себе новой жизни.

Надысь Нао добыл важенку с олененком. В другой раз Гамла со смехом взвалила бы мясо на плечо и пошла за своим мужчиной, который в компании с Намом и Гавом тащат тушу покрупнее. Но нынче не смогла, села над маленьким оленем и залилась слезами.

Охотники переглянулись. Сын Леопарда не хотел свидетелей, поэтому отдал добычу Наму и Гаву, а сам остался с женой.

— Почему Гамла плачет, как ребенок? — Нао приобнял жену за плечи.

— У важенки есть детеныш, у волчицы есть детеныш, мыши — и те знают, что такое быть матерью. Гамла одна не знает. Скоро старая будет, так и не родит никого. — И снова слезы.

Думал ли Нао, что станет не только великим воином и охотником, почти вождем уламов, но и нянькой для собственной жены? Зацепив кусок сизой глины, жирной и мягкой, вылепил фигурку: две ручки, две ножки, головка — и протянул Гамле:

— Пусть Гамла не плачет. У Гамлы и Нао будет ребенок.

Слабо улыбнувшись, она приняла человечка. Отщипнув кусочек, проглотила:

— Пусть земля подарит Гамле родящей силы.

Но живот у нее после таких слов расти все равно не начал. Охота, сбор корма для огня, выделка шкур, забота о маленьких уламах — и лето пролетело. Однажды утром, слушая, как в темноте шелестит по листьям не прекращавшийся всю ночь дождь, Леопардович понял — скоро придется исполнять обет. Подумал он об этом без сожаления, единственное, что печалило, — слезы Гамлы, которая по ночам нет-нет да и плакала, прижимая к себе глиняное чучелко. Недавно она даже пыталась накормить фигурку, но, так как молока не было, расковыряла сосок шилом.

Сын Леопарда пошел к Фауму, сидевшему у костра, — старого вождя с недавних пор мучила бессонница, и он на пару со старым Гуном ночи напролет проводил у огня.

— Нао и Гамла уходят, — тихо, чтобы никого не разбудить, сказал Нао. — Детей нет.

— Куда уходят? Кто?

— Сын Леопарда говорил, что, если до холодных дождей у Гамлы не появится ребенок, Нао заберет ее к вахам.

Фаум с трудом вышел из оцепенения и неузнаваемым взглядом пялился на охотника.

— Нао и Гамла не дойдут, — покачал он головой. — Они будут беззащитны перед врагами и зверьми.

— Нао возьмет в дорогу огонь.

Закашлял Гун Сухие Кости:

— Охотник и женщина не смогут долго поддерживать жизнь огня. Они заснут, или ливень застанет их на открытом месте...

Старый Гун не договорил: тишину вспорол крик боли и ужаса. Так кричит человек, попавший в лапы льву или медведю. Нао, узнавший голос жены, выхватил из костра горящую головню и бросился в дальний угол пещеры, готовый вручную схватиться с неведомо как прокравшимся внутрь хищником.

— Нао! — Крик Гамлы оборвался, а потом из темноты послышался басовитый рев новорожденного. Сквозь гарь волнами прорывался тревожный запах человеческой крови.

От быстрого бега головня потухла, багровое свечение выгоревшего дерева тьму не разгоняло, даже наоборот — дым ел глаза, и Леопардович ничего не мог разглядеть.

— Гамла! — Нао бросился во тьму, положившись на обоняние, и нащупал быстро остывающее тело жены. Тут же в палец впилась чьи-то зубы, охотник вскрикнул и отдернул руку.

Что-то холодное, без запаха и характерного звука прошлепало к стене и замерло. Тут же подоспели другие охотники с факелами, и сын Леопарда наконец увидел жену.

Левая грудь Гамлы превратилась в кровавую дыру, из краев раны торчали обломки ребер. Нао посмотрел на руку. От пальца остались лохмотья.

— Туда! — И Нао первый бросился к стене, выхватив дротик у Нама.

Никакой норы, никакой трещины в скале, никакого звериного подкопа охотник не обнаружил. Под гладкой стеной валялась только глиняная фигурка, испачканная в крови.

Над телом Гамлы склонился старый Гун с пылающим факелом.

— Зверь выгрыз Гамле сердце, — сказал он, посмотрев на рану. — Очень маленький зверь. И очень сильный.

Зверь попробовал человеческой крови и уходить не собирался. На следующую ночь, и через ночь, и еще через одну он выел левую грудь и сердце несколькими женщинами.

Охотники несли дежурство сутки напролет, но хитрая тварь умудрялась проскочить меж ними и выбрать очередную жертву. Всякий раз, когда жертва заходила в предсмертном крике и затихала, уламы слышали одно и то же — ор младенца. И с каждым утром Леопардович становился все мрачнее.

После очередной бессонной ночи Гав заметил, что Нао что-то лепит.

— Что делает сын Леопарда? — спросил молодой охотник.

Нао вздрогнул, будто это не Гав подошел, а лев подкрался.

— Гамлу. — Пальцы мяти сизую глину, придавая ей форму женского тела.

В эту ночь племя впервые спокойно спало. Рядом с Леопардовичем стояли две фигурки — маленькая, не разберешь чья, и побольше, похожая на женщину.

Впрочем, спокойствие длилось недолго. Не прошло и двух дней, как тварь вернулась. На этот раз не одна.

Первым из охотников погиб Нао. Он забулькал горлом и опрокинулся лицом в костер, а когда все бросились к нему, завопил Лео, сын Кабана. И у обоих звери выжрали сердце. Однако на этот раз слышался не только детский, но и женский крик.

С этого момента женщин звери не трогали — стали охотиться на охотников.

— Уламы не могут выстоять в битве с невидимым зверем, — потеряв еще шестерых мужчин, объявил Фаум. — Мы должны уйти.

— Уламам нельзя уходить, — вновь встрял Гун. — Самая богатая охота в нашей долине, за Большой Рекой кочуют рыжие людоеды, за болотами начинаются непроходимые леса, и смерть ждет уламов вне их земли. Неужели племя, вернувшее себе огонь, испугается двух зверьков? Они очень хитрые и ловкие, но можно зажечь в пещере множество костров и смотреть во все глаза, сидеть спина к спине. Уламы должны победить здесь, иначе умрут везде.

В эту ночь Гав сидел, опершись о спину Нама, и глаза его непрерывно шарили по стенам пещеры, пытаясь уловить хоть какое-нибудь движение, но взгляд неуклонно возвращался к двум фигуркам, оставшимся на месте, где когда-то спали Нао и Гамла. Ребенок слева, женщина справа. Ребенок и женщина... женщина и ребенок... Им не хватает...

Незаметно для себя Гав задремал и очнулся только от крика Нама. В мгновение ока оказавшись на ногах, он увидел окровавленное тело друга. А потом погиб Фаум, сам вызвавшийся участвовать в облаве.

В общей панике и суеде глаза Гава вновь скользнул по фигуркам... И задержался.

Днем, когда все отсыпались, Гав пришел к Гуну Сухие Кости. Старик от последних событий совсем, казалось, усох, но внимательно прислушался к словам молодого охотника. Когда тот договорил, Гун встал и приказал:

— Пусть Гав ответит старого Гуна.

Старик и юноша долго рассматривали фигурки у стены, затем Гав куда-то умчался, захватив с собой двух подростков, готовых не сегодня, так завтра принять имя. Еще не стемнело, как охотник с подручными притащили к пещере несколько больших кусков сизой глины. Подростков старый Гун отпустил, а сам, заручившись поддержкой Гава, принялся одну за другой лепить фигурки.

Вновь наступила ночь. Уламы не стали зажигать костров — как оказалось, это бессмысленно. Глядя на главный костер племени, люди тупо ждали нападения. Гав и Гун сидели в самом дальнем углу пещеры.

Сначала было тихо. Потом пещера наполнилась голосами людей и животных, криками, смехом... а потом снова все затихло, на этот раз — навсегда.

Весной, сидя в ивняке на берегу Большой Реки, Гав спросил у Сухих Костей:

— Старый Гун сразу понял, что надо сделать?

— Старый Гун сразу прислушался к словам Гава, — рассмеялся, будто наломал хвороста, старейшина. — Нао вылепил для себя и жены глиняного ребенка, и Гамла так хотела породить новую жизнь, что глина ожила. Но не наша жизни, подобной ей. Глиняный ребенок вовсе не хотел убивать уламов, он искал свою мать.

— И сын Леопарда это понял, — кивнул Гав. — А как?

— Этого ни Гава, ни старому Гуну уже не узнать, — покачал головой Гун. — Но он решил, что ребенку нужно

вылепить мать. Думал ли Нао, что его ждет? Этого тоже никто никогда не узнает. Но вот чем всегда будет восхищаться старый Гун — так это тем, как Гав сумел связать глиняные фигурки женщины и ребенка с погибающими охотниками. Недаром Гав стал вождем...

Молодой вождь покраснел.

По воде солнечные играли блики, чуть поодаль от берега плескалась рыба. А в пещере уламров, у дальней стены стояло множество глиняных фигурок — охотники, женщины, дети, а вокруг игрушечного племени гуляли олени, козлы, мамонты, кабаны и много-много другой глиняной живности...

— А если?.. — Вождь вдруг нахмурился.

— Предусмотрено. — Гун выставил рядом стаю глиняных волков, медведя и льва.

Гав улыбнулся:

— Ну, тогда уж...

Рядом с хищниками возникло другое глиняное племя.

— На всякий случай перенесу их на другой берег, — сказал вождь.

— Рыба, рыба! — закричал Гун.

Костяной гарпун мелькнул в воздухе, и мгновение спустя на солнце заиграла пронзенная в жабры рыбина.

